

Глава X. Критика конституционной хартии, 1814–1830

Смирнская матрона, парламентская нравоучительная басня. — Сомнительная золотая середина, педантская доктрина, лицемерная умеренность, скрытная порча, интриганская строгость, Иезуитские нравы, нечистая политика, полнейшее бессилие.

Так как, благодаря монополии печати, адвокатскому честолюбию, эластичности совести наших так называемых демократов, побрякам императорского правительства, благодаря наконец нашему галльскому ротозейству, мы снова готовы вернуться к пресловутым июльским учреждениям, то, пока еще не ушло время, поспешим выказать все их дурные стороны. Потому что позже наше очень неуважительное о них мнение будет непременно вменено нам в преступление.

Из всех партизанов июльской системы самый искренний, а в настоящее время самый знаменитый есть без сомнения, г. Тьер. Признаться, я немножко подозреваю, что он так сильно стоит за эту систему потому, что он автор пресловутой формулы: *Король царствует, но не управляет*. Но небольшое тщеславие не портит все-таки политических убеждений, а убеждения г. Тьера целостны, что возбуждает, по нашему мнению, полное к ним уважение. Г. Тьер человек, наиболее сделавший для июльской монархии, наилучше ее знавший и проводивший в действительности и в настоящее время наилучше ее защищающий. Хорошо же! Проникал ли вполне ясно сам г. Тьер в таинства этого правительства, до такой степени излюбленного его сердцем и приносившего к его гению? Чувствовал ли он его существенную безнравственность? Неужели он не заметил, что это правительство ничто иное как утопия, в тысячу раз извращенное, а следовательно, и опаснее утопий 1793 и 1804 годов? Прошу извинения у неистощимого историка *Консульства и Империи* за то, что я таким образом возбуждаю сомнение в солидности его суждения. В своей истории Наполеона г. Тьер говорит, что к *Добавочному акту* были несправедливы; что эта 4-я императорская конституция без сомнения гораздо выше хартии 1814 года; что императорское произведение, в его целом, гораздо либеральнее творения Людовика XVIII. И г. Тьер даже не заметил 18 ст., создающей министров без портфеля, обязанных защищать перед палатами действия правительства; он не заметил этого опасного изобретения, придуманного для уничтожения, в пользу императорской прерогативы, всех последствий парламентаризма, изобретения, которое вместе с электоральной системой, заимствованной из конституции VIII года, составляет всю оригинальность *Дополнительного акта*, и которое г. Тьер опровергает изо всех сил в конституции 1852 года, как идею, самую антипатическую для своих чувств и

для своих самых дорогих убеждений. Поэтому я имею право предположить, что г. Тьер, при ветрености и приткности своего ума, в чем его так упрекали, не исследовал строго критически хартию 1830 года и в этом отношении остался далеко позади общественного мнения, которое, задолго до 1848 года, руководствуясь не философией, а единственно здравым смыслом, осудило эту систему. Кто же в конце концов прав: общественное мнение, составившееся еще до 1848 года, или г. Тьер, употребляющий ныне все свои усилия для разубеждения этого мнения.

Сначала я думал было сделать формальное исследование этой «качалки» (bascule), в которую мы, по-видимому, окончательно влюбились с тех пор, как уже не пользуемся ею, и которая составляет почти весь запас нашей молодой оппозиции. Но я убедился, что изложение подробностей, какой бы талант я ни употребил на это, покажется в высшей степени скучным; что такой сюжет ниже всякого сколько-нибудь значительного философского рассуждения; что политическая система, придуманная нарочно для торжества болтливой посредственности, интриганского педантизма, продажной журналистики, пускающей в ход вымогательство и рекламу, система, в которой сделки с совестью, пошлость честолюбия, бедность идей, общие ораторские места и академическое красноречие — верные средства успеха; в которой постоянно на первом плане противоречие и непоследовательность, отсутствие откровенности и смелости; что подобная система, говоря я, не нуждается в опровержении, ее достаточно описать. Анализировать ее значило бы возвеличить ее и, несмотря на старания критика, дать о ней ложное понятие. Притом такая конституция входит и в другие; так как мы знаем, что все они вместе составляют один цикл, то она в них составляет один из тех средних членов, которыми восхищается буржуазная премудрость и которые достаточно поочередно сравнить с крайними членами, чтобы вполне выставить их лицемерие и ничтожность. А так как это мы уже не раз делали, так как такой случай нам еще представится и так как нам знакома эта маска, то теперь удовольствуемся лишь фотографическим её снимком.

Некогда жила в Смирне, на берегу Малой Азии, вдова, молодая и красивая, хотя у ней осталось после мужа несколько детей; она была богата как приданым, данным ей её мужем, так и опекою над своими тремя сыновьями; ради её красоты и богатства за нею ухаживало много искателей. Родные её и её мужа не советовали ей выходить за муж. — «Что вам за польза, говорили они ей, вступать во второй брак? Пятилетний супружеский опыт рассеял ваши юношеские мечты. Покойный ваш муж был славный человек: ради этого ваша честь требует, чтобы вы не замещали его другим; храните свято память о нем. Он, по брачному контракту и по завещанию, оставил вам все свое огромное имущество частью на праве полной собственности, частью в распоряжение до совершеннолетия ваших детей. Такое имущество, из которого четверти вполне достаточно для удовлетворения ваших потребностей, обеспечивает вам, вместе с независимостью, богатство и, что еще важнее, послушание и уважение ваших детей. Хорошо ли будет ваше положение, если вы вновь выйдете замуж? Не меняйте будущности полной чести, достоинства и спокойствия, на союз, гадательные выгоды которого не уравновесят для вас явных неудобств. Твердая женщина сумеет отыскать свое счастье в законе, который налагают на нее её обязанности, в заботе о своей репутации и в провидении. Бегите удовольствий для вас более несвойственных. Ваш покойник, возделывая сам свои земли, улучшил их качества и умножил свой доход. Но зато сколько это ему стоило труда и беспокойства! Он умер за работою... Будьте благоразумнее:

поделите ваши поместья на несколько участков и отдельно отдайте их в аренду; предоставьте больше выгод фермерам, чтобы можно было рассчитывать на их аккуратность; берегитесь брать какого-нибудь управляющего вашими делами, равно как выходить замуж, и, как достойная мать и святая вдова, занимайтесь единственно воспитанием своих детей. Неужели вы решитесь вторым браком отнять у них большую часть вашей любви, лучшее место в вашем сердце? Берегитесь этого, потому что тогда вы лишитесь их уважения. Не может быть дружбы между детьми от первого брака и новым супругом. Давая им отчима, вы станете для них мачехой. Для вас пробил час мудрости; не тужите об этом. Оставайтесь госпожой самой себе и со свободным сердцем, безукоризненной совестью и чистым телом, ищите своего блаженства в благородной роли воспитательницы и матери-девственницы. Вам не найти другого счастья выше этого.» — Она понимала верность этих доводов; но находила не мало и отговорок. — «Женщина, говорила она, всегда нуждается в совете и опоре, этого даже требует самая забота о её репутации. Если она и выйдет снова замуж, то, разумеется, в интересе своих детей. Экономия, которую она сделает в продолжение своего опекуинства, будет отдана им: между тем ежегодное сбережение очевидно будет значительнее, когда домашние расходы будут отчасти покрываться вторым супругом, который, разумеется, не женится на ней с пустыми руками. — Что же касается до покойника, то она не находила лучшего способа почтить его память иначе, как выбрав ему преемника. А приобретя мужа, она рассчитывала с помощью умного и преданного человека повести земледельческие занятия с большим успехом, чем вел их её первый муж. Тогда увидят, на что она может быть способна.» — Дело в том, что подобно всем молодым женщинам, вкусившим брака, она, не смотря на неоднократные роды, была влюблена, как никогда.

Между своими обожателями она заметила двух очень красивых мужчин, различных состояний, но стоивших один другого. Один был благородного происхождения: его высокий и изящный стан, белокурые волосы, взгляды полные нежности, аристократическая рука, изящество манер, изысканный разговор, в особенности же его титул, льстили самолюбию молодой вдовы. Другой, плебейской породы, был не так блистателен; но зато его страстная энергия, крепость мускулов, звук голоса, черная, многообещающая борода действовали с неотразимым соблазном. В его присутствии она не могла удержаться от сладостного трепета. Правда люди равнодушные не столь лестно смотрели на эти две личности. Про первого, чужеземца, говорили, что большую часть своего состояния он промотал на безумные шалости своей юности, потом странствовал по свету и искал приключений, а теперь, чувствуя приближение пожилого возраста, хочет закончить свою карьеру хорошим буржуазным браком. Второму еще предстояло составить карьеру, и он шел к своей цели с неразборчивостью спекулятора, у которого нет ни стыда, ни совести. Побуждаемая обоими соперниками объяснить свои намерения, молодая женщина не знала, на что решиться. Ей бы хотелось, говорила она смеясь, взять их обоих!.. Однако же надо было решиться: втайне она более склонялась на сторону брюнета, но победил блондин. Вы, пожалуй, спросите, что побудило ее изменить своим чувствам и рискнуть счастьем своей жизни, а может быть и своей честью? Это тайна женского сердца, в котором тщеславие сильнее самой любви. Она нашла, что блондин будет более сговорчивым мужем; что у него будет гораздо более представительности в свете, на балу, на прогулках; потом ей хотелось доказать сплетникам, что ею вовсе не руководит страсть. Она не могла так хорошо сдерживать себя, чтобы кое-что из её слишком сильной привязанности осталось незамеченным; поэтому она

великодушно жертвовала ею. Кто умел читать в глубине её души, быть может, сделал бы следующее странное открытие: она вполне понимала, говорила она самой себе, что в виду интереса её детей, деловой человек был бы лучшим управителем, чем дворянин; и надеялась, не смея себе в этом признаться, что этот избранник её сердца, в силу любви, которую она дала ему заметить, останется ей верен. Исполнив жертву, требуемую её достоинством, она в преданности честного человека найдет награду своей добродетели. Женщина, обуреваемая любовью, есть бездна лукавства. Короче, так ей было угодно, и ничто не могло изменить её намерения.

С выходом её замуж, страшная ненависть возгорелась в сердце отставленного ухаживателя. Он кричал об измене и клялся отмстить за себя. — «Я буду владеть ею, говорил он, добровольно или силой, клянусь бородой ея мужа.» — Против последнего тотчас же организуется целая система глухого преследования и разных неприятностей. Против него вчиняются процессы, на него восстанавливают его поселян; портят его прислугу, подкупают его поверенных; его леса вырубают, скот увечат; его лишают в стране всякого значения, губят его в общественном мнении. Если происходят какие-нибудь выборы, на его долю не выпадает ни одного голоса. У его супруги, рассчитывавшей на жизнь полную почестей всякого рода, сердце пробито этими оскорблениями, как стрелами. Она знает причину всего этого, но никому не может поверить своей печали, даже мужу, который с своей стороны, взяв от жены полную доверенность и сделавшись распорядителем, бросается в разные предприятия, делает покупки, расширяет круг своих операций, а в неудачах ищет утешения, как прежде, в пьянстве и разврате. Снова появляются на сцену родственники, советуют если не разъехаться с мужем, то по крайней мере отнять у него распоряжение имением, потому что это единственный способ, замечают они несчастной, не сделаться впоследствии в тягость своим детям. — Но она говорит: «Я не могу жаловаться на своего мужа, который постоянно ко мне внимателен; что же касается до того человека, который стал нашим врагом, то я знаю, откуда происходит его гнев и не могу ничего для него сделать.» С одной стороны она подмазывалась к своему мужу, с другой услаждалась, как знаками любви, отравленными стрелами того, чью страсть она отвергла. Никогда она не любила его так сильно.

«Я согрешила против любви, решила она наконец; надо призвать на помощь любовь.» — Она послала доверенное лицо с богатыми подарками спросить оракул Венеры в город Геллеспонт, в котором была жрицею знаменитая Геро, любовница Леандра. — «Вопрошающая, ответил оракул, может выйти из затруднения только одним способом: сохраняя мужа, вернуться к своему возлюбленному.» — Судите о её изумлении! Она была честной женщиной; она слишком уважала мужа, детей и достоинство матери семейства; а между тем ответ оракула проник ей в глубину души. Женское лицемерие отличается от мужского тем, что мужчина, когда остается один, снимает с себя маску, между тем женщина сохраняет свою. Она лжет самой себе. — «Оракулы загадочны, сказала она самой себе; я знаю, что мне следует сделать.» Она зовет к себе неумолимого преследователя, обращается к нему с нежными упреками, спрашивает у него, чем провинились относительно его её муж и дети, признавая таким образом одну себя виновною; просит для них, но не для себя, его снисхождения, давая понять, что считает себя недостойной прощения; наконец вырывает у него обещание примириться. Для неё был истинным торжеством тот день, когда она вновь свела этих двух людей, бывших некогда друзьями. Итак, своим благоразумием она

сделала более, чем все советы. Да здравствуют любовь и добродетель! Что невозможно для женщины, в которой ум равняется красоте? Она заставит побрататься соперников, обняться льва и дракона.

Весь город заговорил об этом примирении, которое так деликатно было выпрошено и так прилично заключено. Разные писаки, литературщики и синие чулки, приглашенные на пир, расхвалили в стихах и прозе эту благородную женщину, о которой скромно, но с чувством упомянули также газеты и даже академия. Однако не даром достигнут был этот успех! Не прошло и трех дней как условие, поставленное оракулом, было исполнено.

Но результат был совсем другой. Любовник был ревнив, как тигр: он хотел властвовать один; каждый день он осыпал упреками свою любовницу за то, что она не могла решиться — или прогнать мужа с супружеского ложа или сама оставить его. Она оказывалась неверною и любовнику, и мужу. С своей стороны муж, равнодушный и неспособный, сделавшись обязанным, протеже и креатурой того, кто его бесчестил, с каждым днем пьянствовал и опускался все более и более. По временам, однако он порывался выказать свою власть и грозил выгнать своего соперника вон. Но эти угрозы ничего не могли сделать: любовник мало по малу сделался управителем, распорядителем, поставщиком, комиссионером и банкиром дома. Все дела шли через его руки; он делал займы, покупки, продажи, отсрочки, любовница его удивлялась его глубокой опытности. Так как собственности малолетних нельзя было продать, то сделан был заем под обеспечение десятилетнего с неё дохода. Существование семейства стало тогда в зависимость от человека, который его обирал... Это был ад, скандал, ставший предметом толков во всей стране. Между тем сыновья от первого брака подросли и возмужали. — «Матушка, говорили они ей, хочешь, мы тебя избавим от этих двух господ? Мы начнем с брюнета; вытолкав его вон, мы легко разделаемся и с другим». — «Нет, нет, кричала она в отчаянии. Что обо мне скажут, Боже мой! Неужели вы хотите меня обесславить?» — Она уцепилась за свое бесчестие, и, как Федра, оправдывала его *заботою о своей репутации*.

Наконец она решилась снова посоветоваться с оракулом. На этот раз она отправилась сама, останавливаясь по дороге во всех храмах, посвященных Любви и Венере. — «Богиня, сказала она, прибыв в святилище, ты меня обманула. Я последовала твоему совету. Я всем пожертвовала для любви и удовольствия; а теперь я несчастнее прежнего.» — «Ты сама себя обманула, безумная, сурово ответила Венера. Знай, что оракул открывает смертным лишь то, чего они сами желают во глубине своего сердца. Ты искала распутства и насладились им. Можешь ли ты думать, что Венера сделалась твоей сообщницей? Но тогда ты, пожалуй, обвинишь всех богов. Называясь Венерою, я в сущности Справедливость, Красота и Стыдливость. У меня никогда не было ни мужа, ни любовника; Вулкан, Марс и Адонис для меня ничто. До создания людей и богов, я сама из себя породила Граций, Любовь и Добродетели. Я создала мир, и основала первое общество и последнее мое порождение есть Свобода. Для тебя же я стану теперь Угрызением совести, которое без отдыха будет преследовать тебя. Иди, нечистая, и поразмысли о моих словах. Твой срам загладится лишь в тот день, когда ты согласишься быть высеченной публично своими собственными детьми.»

Но ничто не могло заставить это недостойное существо покинуть мужа или любовника. Беспорядок и сумятица продолжали увеличиваться; сыновья достигли совершеннолетия и

потребовали свое наследство. Это послужило знаком развязки. Вместо сбережений опека наделала лишь огромных долгов. Большая часть дохода перешла в руки управителя: он стал богат; что же касается до супругов, то они лишились имущества, объявлены были банкротами и остались без копейки. Она покинула тот кров, который принял ее девственницею и который был свидетелем её материнских радостей, и отправилась в даль, со своим безумным мужем, жить пенсией, выданной ей детьми. Состарившись в разврате, она умерла в пренебрежении. Никто не присутствовал на её похоронах.

Надеюсь, любезный читатель, что ты сам поймешь эту притчу; однако же я постараюсь объяснить ее, как будто ты нуждаешься в истолкователе. На западе Европы, в самом умеренном на земле климате, живет многочисленная нация, одинаково одаренная природою и умом, самая общительная из всех, которая одно время, по-видимому, предназначена была служить для других советом и примером и которую прозвали *великой нацией*. В продолжении 8 веков, от 987 до 1788 г., она составляла монархию, процветала и увеличивалась, как вдруг, овдовев после своих королей... Но о чем придется мне рассказывать? У меня голова вертится, как у Перрена, Дандена, от выборов, оппозиций, недоразумений, присяг и притч, и я не знаю, как мне выразить то, что я желаю сказать. Это, однако, вещь очень простая. Уже 50 лет как Франция ввела у себя конституционную систему, т. е., состоя некогда во владении королей божественного права, своих сеньоров и господ, она, после кратковременного вдовства, снова вышла замуж посредством хартии или конституции. Она снова стала королевством, империей или президентством; названия разные, но сущность одна: известно, что Франция всегда сходила с ума от знатных титулов. Но, вступив в свои обязанности, принц супруг должен был допустить к надзору за ведением дел прежнего друга сердца своей жены, известного под именем или кличкой *демократии единой и нераздельной*. Напрасно говорили вдове: не заключайте второго брака, оставайтесь свободной; управляйте и распоряжайтесь собою сами; а так как ваша область так велика, что не по силам одному человеку или даже целой компании, то разделите ее на провинции, независимые, автономные, соединённые между собою единственно федеральною связью. Особенно бойтесь дуализма; покоряйтесь своему главе, если вы не можете без него обойтись, и старайтесь действовать в согласии с ним. Но берегитесь давать ему помощника, берегитесь допустить на свою постель любовника, прелюбодея, так как он станет для вас тираном хуже мужа, и вы разоритесь и осрамитесь... Франция не послушалась предостережения... Она вышла замуж, завела любовника, и её несчастья разрослись подобно её злодеяниям. *Монархия и демократия*, антагонистические и несогласуемые элементы: таково роковое соперничество, на котором зиждется наше политическое хозяйство или система. Принц пользуется супружеским званием и его правами; положение демократии, представляемой выборными от представителей, называемыми оппозицией, переменчиво. То, подобно акционеру принца, она принуждает его давать тяжкие отчеты, указывает ему, как вести дела, гонит его из дому и с постели, то, в свою очередь оскорбленный супруг одерживает верх и принуждает к отступлению демократию, едва оставляя на долю ее представителей кое-какие любовные крохи, недостаточные для насыщения их здорового аппетита. После 2 декабря друг сердца обедал на кухне; теперь же, вследствие последних выборов, он получил приглашение являться к господскому столу. Берегись хозяин! Чтобы ни случилось, ясно, что так как оба соперника преследуют совершенно одну и ту же цель и желают совершенно одного и того же, именно исключительного владения и женщиной, и имуществом, то Франции нет никакого выигрыша

от этой перемены. Пускай она бросается в объятия мужа или на шею своего любовника; пускай делит себя между ними и пытается, ласкаясь к обоим, примирить их, ничто не поможет ей. В конце концов из её же личных доходов будут уплачиваться издержки ссор и примирений.

Что еще сказать вам? Вместо одного господина, который сорвал цвет ея юности и которого она звала *своим благородным супругом*, Франция своей системой конституционной полиандрии отдала себя на жертву двум тиранам, стала проституткой. Прелюбодеяние, — как смягчение супружеской власти и предохранительное средство против развода; блуд в политическом семействе, служащий примером распутству в семействах частных; такова система, придуманная в 1791 г., освященная в 1814, скрепленная в 1830, и для восстановления которой город Париж дал ныне 153.000 голосов. Что вы скажете об этом, гордые демократы? Знаете ли вы теперь, что такое ваша оппозиция? Сводничество. Если эта басня кажется вам не убедительною, то у меня есть к вашим услугам целый арсенал неотразимых аргументов, основанных на праве и факте. Но наперед следует вам доказать, что я уже не один так думаю, что 18.000 протестовавших 1 июня[12] стали *легионом* и что вы имеете перед собою решительную партию, готовую вычеркнуть вас из политического словаря.

(Рукопись осталась неоконченной)

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 05:01:54

Зверобой обновил 15 марта 2025 05:02:38